

Теоретические аспекты формирования агрессивности у детей на примере работы с мальчиком латентного возраста.

Выбирая тему эссе, я поняла, что мне было бы интересно и полезно погрузиться в размышления о причинах агрессивности детей, которую мы можем наблюдать в терапевтических отношениях и стратегиях работы с детской деструктивностью.

В своей работе я буду опираться на опыт работы с мальчиком А. восьмилетнего возраста.

К психотерапевту родители были вынуждены обратиться после неоднократных жалоб педагога на агрессивное поведение А. в школе, неусидчивость и несдержанность на уроках, неуправляемость на переменах. На мальчика жаловались дети, родители одноклассников стали предъявлять претензии администрации школы, и школа предложила перевести ребенка на индивидуальное обучение. Полагаю, что за психологической помощью родители А. обратились, чтобы доказать школе, что с ребенком все в порядке, и что в сложившейся ситуации виноваты педагоги и родители одноклассников, у которых сложилось к мальчику предвзятое отношение.

Родители А. произвели на меня благоприятное впечатление, в контрпереносе возникло желание объединиться с ними в праведном гневе и наказать школу. На первой встрече с ребенком передо мной предстал мальчик ангельской наружности, который, зайдя в кабинет и едва установив со мной контакт, с жадностью стал носиться по кабинету, хватать и крушить все, что попадалось ему под руку. Его настроение менялось от заискивания передо мной: «Мне нравится у Вас, я люблю к Вам приходить» до негодования на то, что я не позволяю ему громить кабинет и нападать на меня. Но самым тяжелым для переработки являлась сепарационная тревога, актуализируемая в конце встречи и связанная с нежеланием расставаться, уходить из кабинета. Она проявлялась в гневных криках, бросании на пол, баррикадировании, разбрасывании игрушек по разным углам кабинета.

Первоначально сложность в понимании этого случая для меня заключалась в том, что родители, как будто, не видели проблем мальчика, рисуя идеальную картинку ребенка: «Активный, дружелюбный, общительный», - словно, пытаясь спрятать от меня, да и от самих себя, реального А. Полагаю, это могло быть связано с желанием избежать столкновения со стыдом за его дурное воспитание. Я чувствовала трудности в построении откровенного разговора с родителями, опасаясь ранить их и разрушить непрочный альянс. Я видела, сколько усилий они тратят на сохранение видимости благополучия своей семьи, понимая, что на самом деле они могут испытывать растерянность, страх, отчаяние.

Позднее из консультаций с мамой стало понятно, что она выросла в семье педагогов, где важно было «держаться лицо» и никому не было дела до ее

настоящих чувств, переживаний. «Мама была равнодушна ко мне, ее больше интересовали ученики в школе. Я чувствовала себя одинокой». Мама ребенка и сейчас выглядела очень напряженной, холодной и при этом хрупкой, незащищенной. Однажды мальчик с испугом произнес: «Только не говорите об этом моей маме, она расстроится и умрет». Ухаживая за младенцем, женщина старалась быть правильной матерью: кормить ребенка по часам, заботиться о его теле. Но женщина плохо справлялась с его капризами и недомоганием, ее тяготила зависимость ребенка. Это время ощущалось ею, как тягостное. Возможно, в это время женщина находилась в депрессивном состоянии. В своей работе «Корни насилия: теория и ее значение для техники при работе с детьми и подростками», Марианна Парсонс писала: «Эмпатия матери к ребенку, ее активная настроенность на его физические и эмоциональные нужды помогает ему не только чувствовать себя любимым, но также выработать способность настраиваться на свои собственные внутренние состояния. Со временем он сможет узнавать и терпеть свои нужды, и проводить различие между оттенками чувств, так, чтобы не каждое состояние имело одну и ту же срочность. Открывается пространство для мысли и рефлексии. Для того чтобы начать принимать свои внутренние состояния и терпеть чувство, что у него есть нужды, ребенку требуется достаточно хороший опыт зависимости от надежно защищающей матери. Длительное отсутствие материнской защитной функции оставляет ребенка с количеством тревоги, с которым он не может справиться (Fraiberg 1982), и неспособным выработать внутренние адаптивные ресурсы. У него разовьется ложная или слишком ранняя независимость – что-то, что часто можно видеть у людей, склонных к насилию, которые обычно отыгрывают свою фрустрацию и тревогу, поскольку не могут использовать свой разум для саморефлексии или контейнирования чувств. Он выработает ненадежную или дезорганизованную привязанность, и у него не будет никакого надежного чувства, что его возможно любить. Этот недостаток материнской защитной функции ведет к тому, что ребенку приходится прибегать к конструированию жесткого внутреннего барьера, вместо более гибкой защитной психической мембраны».

Думаю, что матери моего клиента было сложно проявлять эмпатию к младенцу. К сожалению, она была плохим контейнером для переработки непереносимых чувств ребенка, и это не позволило мальчику перейти из параноидно-шизоидной позиции к депрессивной, что привело к использованию им таких защитных механизмов, как диссоциация, отрицание, всемогущество, идеализация и проективная идентификация. Думаю, у него не появилась способность принимать амбивалентность объекта, которая становится возможной в депрессивной позиции.

Отец ребенка вырос в неполной семье, его воспитанием занимались мама и бабушка, отец оставил семью до его рождения, мама и бабушка рано умерли. Мужчина вырос уязвимым и неуверенным в себе человеком. Полагаю, внутренняя сиротливость сблизил родителей А. Они оба демонстрируют невозможность сталкиваться с собственными чувствами.

Полагаю, что они были переполнены страхом перед собственной непроработанной агрессией и виной по поводу собственных агрессивных чувств. - «Мы в семье никогда не ссоримся, просто расходимся по разным комнатам». В той же работе Марианна Парсонс писала: «Способность родителей признавать и терпеть собственную фрустрацию и агрессию и справляться с ними помогает ребенку выработать понимание своих агрессивных чувств и способность перерабатывать их и справляться с ними».

Отсутствие умения контейнировать чувства, в том числе и агрессию, сделало невозможным для А. научиться терпеть собственную тревогу и фрустрацию. «Самая ранняя форма психической агрессивности касается потребности ребенка избавиться от невыносимых чувств, для того чтобы достичь чувства внутреннего равновесия, безопасности и благополучия» (Edgumbe 1976). Все эти процессы находили свое отражение в играх мальчика, наполненных убийствами, отрыванием голов пластилиновым человечкам, расстрелами кукол, разрушениями школ, больниц и домов, построенных из конструктора. Вновь и вновь, благодаря механизму проективной идентификации, он заставлял меня чувствовать бессилие и беспомощность, невозможность быть услышанной. Полагаю, он был переполнен страхом отвержения, страхом, с которым было страшно соприкоснуться, и от которого необходимо было вновь и вновь избавляться. Особенно ярко это переживалось, когда наступал момент расставания, это воспринималось, как отвержение, предательство. «Я больше к Вам никогда не приду!» - кричал он мне, пытаясь справиться с болью от ощущения брошенности, защищаясь тем, что сам бросал меня. Когда ему исполнилось 2,5 года, маме пришлось выйти на работу, и мальчика отправили на полгода к бабушке и дедушке в деревню. Со слов родителей, он хорошо справился с разлукой, не плакал, не скучал и не тосковал по родителям. Думаю, к тому моменту он уже потерял надежду быть услышанным.

Анализируя игры мальчика, я размышляла о жестком и примитивном Суперэго, в котором отсутствует гибкость. Полагаю, что справиться с нападениями Суперэго можно, лишь видя источник опасности в других: «Придут дети и поломают игрушки, которые я собрал из Лего!», игнорируя тот факт, что это он ломает и портит поделки, которые делают другие; или проецируя в меня желание его наказать, отвергнуть, пожаловаться родителям. Каждый раз, прощаясь, я чувствовала, что он расстанется со мной навсегда, не веря, что я буду готова к новой встрече.

Питер Блос писал: «Конфликт остается внешним, между ребенком и окружающей средой. Ребенок требует, чтоб среда изменилась, так как не может контролировать свое беспокойство. Задача терапии: привнести эту тенденцию в терапевтическую ситуацию... к интернализации и формированию конфликта».

Марианна Парсонс писала о работе с такими пациентами: «Он (терапевт) должен думать о том, что происходит в кабинете, и перерабатывать это таким образом, как этого не может ребёнок, узнавая в его телесных проигрываниях конкретные выражения его эмоциональных состояний.

Проявляя эмпатию к его чувствам и называя их, тактично и не вторгающимся образом, она действует как оберегающий щит. Постепенно он, возможно, сможет начать интернализировать эту защитную функцию так, как не было возможно в его раннем развитии. Поскольку люди, склонные к насилию, крайне чувствительны к страхам глубинного комплекса и к чувству унижения, нам приходится быть более обычного осторожными с тем, чего и сколько можно сказать, и как именно мы это говорим. Сказать слишком много будет переживаться как вторжение, молчание будет ощущаться как то, что мы от него отмахиваемся и бросаем, а всё, что мы говорим, может переживаться как нечто угрожающее или карающее.

Клинические примеры показывают важность установления безопасного сеттинга в уме пациента, также как и терапевта, чтобы терапевтическая работа могла продолжаться... Задача психотерапевта – избежать сговора как с ценностями его идеального я (насилием), так и с требованиями его жёсткого суперэго (наказанием); скорее, нужно попытаться понять трудное положение пациента, что-то, чего он не может сделать сам. С этой целью может быть полезно думать о понятии жесткого внутреннего барьера как отчаянной попытки возвести вокруг Я фортификации против ошеломляющих опасностей. Это понимание помогает попытаться вступить в эмоциональный контакт с пациентами, которые находят крайне трудным для себя эффективно вступать в коммуникацию с другими или даже с самими собой, не прибегая к насилию».

Кроме того, задача психотерапевта заключается в том, чтобы стать для пациента надежной опорой до того момента, когда он сможет приобрести новый опыт, постепенно применив его в отношениях с родителями и сверстниками.